

Обложка журнала «Time», вышедшая во время 12-дневной войны (13–24 июня 2025 г.)

Иран: враг, которого Запад создал сам себе

На протяжении десятилетий западные державы представляли Иран как неизбежную угрозу. Но как этот нарратив был создан, использован и в конечном итоге превращён в сбывшуюся геополитическую реальность?

Патрик Ринггенберг

пнд 13 апр 2026

Как сформировался негативный имидж Ирана

Двустороннее прекращение огня, согласованное 8 апреля и изначально омрачённое так называемыми «недоразумениями», было нарушено в тот же день израильскими авиаударами по Ливану. Перспектива окончания войны дала возможность подвести

итоги ситуации — то, что можно было сделать с самого начала: «и всё это ради этого». Редко в современной истории столь немислимое нагромождение ошибок приводило к таким трагически тяжёлым последствиям. Тем не менее нынешняя война не была неизбежной. С 2002 года слухи о спецоперациях или бомбардировках в отношении Ирана регулярно появлялись в новостях на протяжении двадцати лет, но при этом региональный конфликт так и не разразился. Израильцы убивали иранских учёных или саботировали ядерные объекты (например, с помощью компьютерного вируса Stuxnet), однако в военных структурах США и Израиля находилось достаточно осведомлённых и реалистично мыслящих людей, чтобы понимать: война с Ираном не имеет шансов на успех и, напротив, приведёт к катастрофическим последствиям для региона — что и демонстрирует нынешний конфликт день за днём.

Для Израиля перспектива войны с Ираном возникла после нападения ХАМАС 7 октября 2023 года и последовавших за ним региональных потрясений: израильского наступления на Газу и против «Хезболлы» в Ливане, краха династии Асадов — союзников Ирана — в Сирии, а также явного ослабления Ирана, лишившегося своих прокси и союзников. Эта война также является частью политического сближения и даже сговора между лидерами — Соединёнными Штатами Дональда Трампа и израильским правительством Биньямина Нетаньяху — на фоне дипломатической маргинализации Европы. В конечном счёте, это следствие выхода Дональда Трампа из ядерной сделки с Ираном (СВПД), подписанной в 2015 году; в более отдалённой перспективе — Исламской революции 1979 года, которая стремилась противостоять американскому империализму на Ближнем Востоке; и в ещё более глубоком смысле — повторяющихся и вековых противоречий между Востоком и Западом, христианским миром и исламским миром, западным империализмом и культурным сопротивлением Востока.

На протяжении долгого времени западное общественное мнение подготавливалось к принятию агрессивной политики в отношении Ирана: начиная с Исламской революции 1979 года, которую поспешно представили как фундаменталистский откат страны, шедшей по пути вестернизации; или с 2002 года, когда Иран оказался включён в «ось зла» вместе с Северной Кореей и Ираком (ошибочно обвинённым в наличии оружия массового уничтожения), несмотря на то, что из девятнадцати террористов 11 сентября 2001 года 15 были саудовцами, 2 — эмиратцами, 1 — египтянином и 1 — ливанцем. В самом деле, в случае с Ираном мы имеем показательный пример «конструирования врага» (Пьер Конеза), предшествующего «производству согласия» (Ноам Хомский), которое служит для морального или юридического оправдания любых действий — даже аморальных или незаконных — против той или иной страны.

Выходя за рамки текущих событий с их взлетами и падениями, данная статья направлена на рассмотрение фундаментальной проблемы негативного образа Ирана, сыгравшего столь решающую роль в принятии политических решений, формировании общественной поддержки войны и безразличии по отношению к иранцам. Эту проблему можно свести к одному предложению: «Угнетая собственный народ, режим мулл поддерживает государство-изгой, которое поддерживает международный терроризм». Став рефлексивной фразой в СМИ, аналитическим хабитусом большинства комментаторов и общей парадигмой во многих дипломатических, политических и даже академических кругах, эта картина имеет свою собственную логику, язык и истоки. Здесь мы хотели бы деконструировать некоторые из составляющих ее аспектов.

Как очернить Иран

Иран — это не государство; это режим

«Иранский режим», «исламский режим», «режим мулл». Эти фразы, повторяемые на протяжении десятилетий, служат единственной цели — делегитимизации иранского правительства: заставить людей поверить, что Исламская Республика Иран представляет собой столь же искусственную, сколь и неустойчивую политическую систему с сомнительным суверенитетом, оторванную от населения и презираемую им, и которая выживает исключительно за счет государственного контроля над нефтью и газом, а также благодаря силе полиции и армии, или даже — согласно противоречивым теориям заговора — благодаря поддержке западных стран, которые осуждают мулл, чтобы тем самым лучше удержать их у власти. Описание Корпуса стражей Исламской революции (созданного в 1979 году) как «идеологической армии» является частью той же операции: оно сводит этот военный корпус, который постепенно превратился в национальную армию и, несомненно, обретет новый престиж благодаря текущей войне, к сущности, которая является по сути своей нелегитимной, одновременно изгоем и мафиозной структурой.

Более того, всякий раз, когда в Иране вспыхивают протесты, большинство комментаторов не стремятся проанализировать их контекст и социально-политическое значение, а поспешно ставят под сомнение саму легитимность «иранского режима», осуждают провал «Исламской Республики», объявляют о «провале Революции» и так далее. Никто не станет оспаривать, что в стране площадью 1 648 195 км², окруженной соперничающими или враждебными государствами, существуют противоречия между государством и населением, культурные напряжения, ожесточенная политическая борьба и состояния экономического кризиса: это соразмерно глубоко укоренившейся истории страны,

сложности ее идентичности (иранской, шиитской, вестернизированной) и геостратегическим интересам страны, расположенной в самом сердце Ближнего Востока, чрезвычайно богатой природными ресурсами, на стыке исторических антагонизмов. Однако систематическая дискредитация иранского правительства направлена на то, чтобы исказить суть Исламской революции — которая была одновременно возвращением к идентичности и освобождением от западного империализма — и игнорировать динамику и глубоко укоренившийся характер иранской политической системы, а также мозаику (историческую, социологическую, экономическую и культурную) отношений между населением и правительством.

Одним словом, такая многогранная страна, как Иран, формируется также под влиянием диалектики, которая порой может быть жестокой как в политическом, так и в социокультурном плане: между разнообразным населением, часто движущимся в противоположном направлении по сравнению с олигархическим и клиентелистским государством; между социальными и этническими группами с расходящимися мировоззрениями и интересами; а также между поколениями, разделёнными десятилетиями политических потрясений. Иран, который за несколько десятилетий превратился из традиционного королевства (в начале XX века) в современное «постмодернистское» национальное государство, раздираем силами, которые часто жестоко противоречат друг другу — то творческими, то парализующими, то разрушительными. Множество форм традиционализма и модернизации, экономических систем (капиталистическая, религиозная, базарная), религиозных практик и политического поведения — вот факторы, которые постоянно усложняют реальность Ирана, причем люди часто стремятся учитывать лишь один сегмент или один тип данных, исключая остальные. Однако эти противоречия не означают циклического краха системы; они также являются частью процесса становления нации, политического пробуждения населения и динамики плюралистической современности.

Теократия мулл

Сведение иранской системы к теократии — это самый верный способ обобщить политическую систему и национальное государство, в которых сочетаются республиканские принципы, религиозное руководство и имперские традиции. Для западного человека термин «теократия» вызывает, по крайней мере в воображении, целый ряд ассоциаций (инквизиция, религиозный догмат, темные века, фундаментализм и т. д.), которые так любят осуждать антиклерикальные и антирелигиозные либералы, зачастую не знающие ни исторических реалий, ни теологических вопросов.

Однако Верховный лидер Ирана не является Богом: он представляет традицию толкования свода текстов в рамках сети и иерархии духовных лидеров, которые со времени исчезновения 12-го имама в X веке несут ответственность за руководство шиитской общиной до эсхатологического возвращения этого 12-го имама (Имама Махди) в конце времен. Политическая новизна Исламской Республики Иран заключается в том, что сам принцип религиозного руководства был встроены в систему современного, западного образца. Однако эта политическая теория не должна затмевать наблюдаемые на практике явления. Политика, проводимая иранским государством, зачастую имеет мало общего с религией и на самом деле гораздо больше соответствует «классическому» национальному государству и «имперскому» подходу, ориентированному на стабильность, сохранение и влияние.

Антиклерикальные, исламофобские или секуляристские предрассудки стремятся возложить на мулл — то есть на шиитских духовных лидеров — ответственность за все политические вопросы. Однако эти священнослужители не играют исключительной или гегемонистской роли в иранской системе, и их слишком легко сводят, как с социологической, так и с интеллектуальной точки зрения, к закрытому и неизменному корпоративному блоку. На самом деле муллы веками являются частью религиозного и культурного ландшафта страны и всегда будут оставаться составной частью общества и политической жизни, каким бы ни было политическое будущее Ирана. Сами круги духовенства отнюдь не однородны, хотя это разнообразие не обязательно отражается в иранской публичной сфере и не подозревается западными наблюдателями. Достаточно вспомнить, что система Исламской Республики, задуманная Хомейни, которая представляет собой совершенно новую гибридную политическую форму в рамках иранской традиции, не была принята ни одним из крупных религиозных авторитетов его времени. Это показывает, что, хотя по некоторым фундаментальным вопросам может существовать консенсус, на самом деле среди духовенства существует разнообразие мнений и интерпретаций исламского наследия (Корана, хадисов Пророка и шиитских имамов), что вызывает очень ожесточенные дебаты в крупных религиозных учреждениях в Куме или Тегеране. Более того, полицентрическая структура духовенства означает, что один религиозный авторитет может вынести юридическое заключение, противоречащее другому, причем отсутствует высшая инстанция — в исламе нет папы, — которая могла бы разрешить спор, отвергнув одно из заключений как неадекватное или неортодоксальное.

Если и существует какая-то фундаментальная проблема в иранской политике, по крайней мере с либеральной (и, в частности, западной) точки зрения, то это проблема авторитаризма, то есть вертикальной и патриархальной структуры власти, которая не является исключительной чертой мулл, а уходит корнями в многовековую, если не тысячелетнюю, традицию управления и социокультурную

структуру. На самом деле, хотя рассматривать мулл как системную проблему было бы упрощением, именно они держат ключ к решению, поскольку благодаря своим социально-историческим корням они могут поддерживать и легитимизировать изменения и преобразования гораздо эффективнее, чем так называемые реформистские круги, которые зачастую оторваны от страны, остающейся в основном консервативной.

Кроме того, иранцы — мусульмане, но в первую очередь считают себя иранцами. Переход Персидского царства в XVI веке к шиизму наглядно демонстрирует уникальный характер иранского ислама. Приняв одну из меньшинственных ветвей ислама, иранцы утвердили как свою приверженность мусульманской вере, так и свою самобытную идентичность в рамках исламского мира. Иранский ислам, оригинальность и огромное философское наследие которого были отмечены великим иранологом Анри Корбеном (1903–1978), не имеет аналогов в исламском мире и точно отражает сложность страны — земли синтеза и универсализма — на перекрестке семитского и индоевропейского миров. Наконец, идеологический и поддерживаемый государством ислам, продвигаемый со времени Революции, представляет собой лишь одну из интерпретаций ислама, сконструированную для политических и воинственных целей, от которой многие иранцы, по сути, дистанцировались во имя более духовного, внутреннего, даже мистического ислама.

Хиджаб: восточный наряд, западная проблема

В 1936 году Реза Шах Пахлави запретил ношение чадры; в 1979 году Исламская Республика ввела обязательное ношение хиджаба. Эти два события имели как негативные, так и положительные последствия. Запрет Реза Шаха на ношение чадры позволил новому поколению женщин раскрыть свой потенциал, вовлечься в общественную жизнь и сформировать новую форму феминизма. С другой стороны, это также оказало негативное влияние на традиционных женщин, которые больше не могли выходить на улицу в чадре и были вынуждены оставаться дома, завися от мужчин в выполнении той работы, которую раньше они делали самостоятельно.

Обязательное ношение хиджаба после Исламской революции нанесло тяжелый удар по поколению женщин, которые освободились от определенных традиционных социальных и семейных норм, но в то же время позволило женщинам, придерживающимся традиций, участвовать в общественной жизни и выходить на рынок труда, поскольку сложившаяся исламская атмосфера помогала им чувствовать себя комфортно, следуя собственным ценностям. Однако в обоих случаях (независимо от того, запрещен ли хиджаб или является обязательным) так называемый исламский хиджаб переоценивается в религиозном смысле, тогда как

на самом деле это предмет одежды с весьма разнообразными значениями, а его ношение обусловлено такими же разнообразными мотивами, как социальный контекст или семейные обстоятельства.

О хиджабе написаны целые книги, но здесь мы ограничимся несколькими ключевыми моментами:

- Истоки ношения чадры уходят корнями в доисламские времена. Она упоминается в ассирийских клинописных табличках конца II тысячелетия до нашей эры, где она имела то же значение, которое, возможно, сохранилось и по сей день: чадру носили женщины из зажиточных и уважаемых семей, и она служила признаком социального статуса.
- До появления ислама ношение чадры было «делом» христиан. Достаточно взглянуть на византийские иконы или средневековую иконографию, чтобы увидеть, что Дева Мария также носит вуаль. Более того, христианские богословы оправдывали ношение вуали христианскими женщинами, используя аргументы, аналогичные или схожие с теми, которые выдвигают мусульманские священнослужители в отношении хиджаба. Вуаль также была распространенной одеждой в сельской Европе, и, стоя перед провансальским рождественским вертепом, иранский студент был удивлен тем, что «все женщины были в хиджабах».
- Исламизм рассматривает хиджаб как символ ислама и показатель набожности, однако это также традиционный ближневосточный предмет одежды, который имеет религиозное, культурное, традиционное, историко-культурное и даже национальное значение.
- Упоминания о чадре в Коране носят неопределённый характер и породили бесконечные толкования и споры. В результате форма, которую принимает хиджаб в мусульманских странах, в большей степени определяется местной культурой, обычаями и традициями, чем религией. Так, иранский чадор — большой кусок ткани, обычно чёрного цвета, который женщины надевают поверх головного платка и одежды с длинными рукавами — является также национальным нарядом, отличающим иранских женщин от мусульманок в других странах.
- Движение «Женщина, жизнь, свобода» (осень 2022 года) привело к смягчению правил ношения хиджаба, особенно в крупных городах, где женщины — как молодые, так и пожилые — выходят на улицу без него. Однако в целом по стране большинство женщин по-прежнему носят хиджаб: из благочестия, традиции, под давлением (прямым или косвенным), из уважения, в силу обстоятельств (женщина без хиджаба в консервативной среде быстро подвергается осуждению или маргинализации), из гордости, солидарности или даже из националистических убеждений.

- Существует предубеждение — будь то либертарианского, секулярного или исламофобского характера — которое связывает хиджаб с порабощением и угнетением женщин: конечно, в определенных контекстах или ситуациях это может быть правдой. Но с мусульманской точки зрения, или, в более широком смысле, с традиционной точки зрения, хиджаб — это также символ, источник силы, добродетель, социальный маркер, наследие, чувство принадлежности и источник достоинства. Сегодня он также стал модным аксессуаром, элементом самовыражения и даже — как не преминул отметить персидский поэт — эротическим украшением.
- В западных странах дискуссии о хиджабе неизменно затмеваются спорами вокруг секуляризма, мультикультурализма, иммиграции и вопросов интеграции: это сугубо западные проблемы, которые зачастую не имеют никакого отношения к Ирану и его собственным специфическим проблемам.

Иран без Ирана: иранская диаспора

В статье, опубликованной в газете *Le Monde* 9 марта 2026 года, Мохаммад-Реза Джалили и Тьерри Келлнер заявили, что «у „нового Ирана“ будет одно главное преимущество: его диаспора» («Le “nouvel Iran” aura un atout majeur : sa diaspora»). Не предвещая исхода войны, оба автора полагали, что «иранская диаспора, сформировавшаяся в результате последовательных волн эмиграции с 1979 года [и которая], по оценкам, насчитывает от 4 до 7 миллионов человек, бежавших от репрессий и экономических трудностей», могла бы сыграть конструктивную роль в Иране после падения Исламской Республики.

Авторов нельзя упрекнуть в том, что они «считают цыплят, пока те не вылупились», или в том, что они говорят об иранской диаспоре как о неотъемлемой части иранской истории: многогранные связи между иранцами в Иране и диаспоре оказали значительное влияние на культурную и даже политическую жизнь Ирана. В этой статье, написанной в соавторстве с Мохаммадом-Резой Джалили, который сам покинул Иран в 1978 году, отражена тенденция, чрезмерно представленная в СМИ: когда западные люди говорят об Иране, они опираются на опыт и чаяния иранской диаспоры, которую Запад стремится подчеркнуть прежде всего — если не оппозиционные круги, то, по крайней мере, более или менее критическую точку зрения. Но во всем этом дискурсе отсутствует один важный участник: сам Иран со всем его современным и историческим многообразием.

Таким образом, люди строят воздушные замки, размышляя о том, как мог бы выглядеть другой Иран, но не задаваясь вопросом, осуществимы ли такие амбиции или хотя бы реалистичны ли они с учетом иранских реалий, и, прежде всего, не задумываясь о том, что на самом деле думают более 90 миллионов иранцев,

проживающих в Иране. «Утечка мозгов» за последние четыре десятилетия, безусловно, является трагедией для Ирана. Но, учитывая стойкость иранского народа перед лицом американо-израильской агрессии, высокий технический уровень их ракет и их стратегическую прозорливость, техников, усердно работающих над восстановлением электроснабжения или восстановлением зданий после бомбардировок, а также стабильные поставки потребительских товаров, несмотря на войну, ясно одно: в самом Иране все еще остается много ярких умов. Эти люди не обязательно будут в восторге от идеи прихода диаспоры для построения «нового» Ирана, когда иранцы, проживающие в стране в настоящее время, и есть Иран и составляют Иран. Неосуществимая мечта диаспоры о переменах достигает своего апогея в фантазии о возвращении в Иран наследного принца Резы Пахлави: как можно себе представить, если предположить, что его не убьют, прежде чем он ступит на иранскую землю, что его примут как спасителя, его, который призывал к бомбардировке страны, которую он давно перестал знать, и которому придется столкнуться с десятками миллионов иранцев, которые либо намерены защищать Исламскую Республику, либо желают защитить свою страну от всякого иностранного вмешательства, либо не хотят «ни мулл, ни королей»?

Упоминание об иранской диаспоре также служит для укрепления нарратива, сформировавшегося с 1980-х годов: Исламская Республика Иран — это страна, из которой люди бегут любыми возможными способами, будь то эмиграция или тайное бегство, и это бегство воспринимается как путь из тьмы к свету, от тоталитаризма к свободе. Эта идея широко распространилась благодаря книгам и фильмам: от книги Бетти Махмуди «Не без моей дочери» (1987) до фильма «Операция „Арго“» (режиссер Бен Аффлек, выпущен в 2012 году) — на одном из постеров которого, кстати, изображены мечети Стамбула (Турция), хотя действие фильма происходит в Тегеране (Иран). Этот формирующий нарратив был недавно (5 апреля) возрожден благодаря спасению американского пилота, потерпевшего крушение в Иране: не имеет большого значения, что в остальном операция стала военным фиаско для Соединенных Штатов и что она оказалась не совсем такой, как ее представляли; важно было подтвердить архетип освободительного побега из принципиально враждебной страны.

Протесты в конце декабря 2025 г. и начале января 2026 г.

Иранский режим убивает собственный народ. Эта фраза звучит как напев с момента кровавых протестов в начале 2026 года. Однако становится ясно, как уже показали *The Grayzone* и комментарии бывшего британского дипломата Аластера Крука, что на самом деле это была попытка государственного переворота, направленная на создание в Иране ситуации гражданской войны. Последовательность событий была следующей:

- Попытка захватить контроль над иранским риалом привела к его резкой девальвации в декабре 2025 года — о чем Скотт Бессент, министр финансов США, явно намекнул 20 января 2026 года на форуме в Давосе.
- Неизбежно, что с 28 декабря 2025 года иранцы выйдут на улицы, чтобы протестовать против резкого ухудшения экономической ситуации.
- Агенты хаоса, дистанционно управляемые Моссадом и ЦРУ, проникают в эти протесты, чтобы вывести их из-под контроля, поджигая здания, стреляя в мирных жителей и сотрудников правоохранительных органов и сея панику. Об этом признался Майк Помпео 2 января 2026 года, поздравляя с Новым годом иранцев (чей Новый год, кстати, приходится на весеннее равноденствие, а не на 1 января) и находящихся среди них агентов Моссада.

- 5 апреля 2026 года в интервью телеканалу Fox News сам Дональд Трамп признал, что протестующие, завербованные «Моссадом» и ЦРУ, были вооружены: «Мы отправили им много оружия. Мы отправили его через курдов. И я думаю, что курды его у себя оставили».

Число погибших точно неизвестно. Иранское правительство оценивает его примерно в 3 200 человек, однако Информационное агентство правозащитников (HRANA) приводит цифру не менее 7 000, в то время как другие источники — чисто гипотетически и без каких-либо доказательств — называют цифры в десятки

тысяч (30 000 или даже 50 000). Если сравнить масштаб потерь (не менее нескольких тысяч) с предыдущими протестами (в период с 2009 по 2023 год), становится ясно, что события января 2026 года носили совершенно иной характер. Цифры показывают «72 погибших среди демонстрантов во время протестов против результатов президентских выборов в Иране 2009 года, от 300 до 1 500 погибших среди демонстрантов во время протестов 2019–2020 годов и 551 во время протестов после смерти Махсы Амини в 2022–2023 годах» (Википедия: «Манифестации в Иране с 2025 года»). В январе 2026 года действительно царила атмосфера восстания, которая очень быстро привела к большому количеству жертв, хотя для полного восстановления картины событий потребуется длительное расследование.

Фильтры, скрытие и переворачивание ценностей

Различные уровни предвзятости и стереотипов в отношении Ирана создают систему фильтров, которая окрашивает в негативный цвет практически всё, что исходит из Исламской Республики. Эти фильтры также служат для того, чтобы скрыть либо альтернативные интерпретации, либо реальность, которую хочется игнорировать, либо сам механизм действующих предрассудков. Наконец, наслоение этих фильтров приводит к переворачиванию ценностей: Иран почти по определению виновен; и то, что западные страны решительно осуждают в любой другой стране, в случае с Ираном игнорируется, преуменьшается, переворачивается с ног на голову или искажается.

Начнём с нескольких фильтров:

- Видеть религию повсюду, чтобы представить иранцев в качестве угрожающих фундаменталистов, или же «деисламизировать» иранское население, чтобы подчеркнуть «средневековый» ислам мулл, которых, разумеется, считают оторванными от современности и социальных реалий.
- Сведение всего к идеологическим расчетам. Если иранское правительство обеспечивает деревни водой и электричеством, то не потому, что развитие инфраструктуры входит в обязанности государства, а потому, что иранский режим прибегает к популизму, чтобы удержаться у власти.
- Видеть повсюду угрозу или опасность. Все посольства собирают информацию о стране, в которой они расположены, о своих экспатриантах и гражданах, а также о политических симпатиях или антипатиях принимающей страны; но если эту работу ведёт иранское посольство, то неизбежно с целью нападения, покушения или дестабилизации.
- Все, что делает Иран, неизбежно окутано неоднозначностью. Если Иран и добивается каких-то положительных результатов (будь то в политической, культурной или иной сфере), то это либо исключение, подтверждающее правило;

либо исключительное стечение обстоятельств, обусловленное не столько компетентностью иранского правительства, сколько удачным стечением обстоятельств; либо же это происходит в ответ «против режима», без его ведома или вопреки ему.

Давайте теперь рассмотрим несколько способов маскировки:

- Мы склонны с улыбкой воспринимать иранскую риторику, осуждающую «высокомерие Запада» или «Великого американского сатану», не вникая в лежащий в ее основе геополитический анализ, который сосредоточен на последствиях западного колониализма и империализма за последние пять веков. Ядерная программа Ирана, в конечном счете, является лишь предложением для установления контроля над Ближним Востоком и его ресурсами: Дональд Трамп и его окружение, кстати, не скрывают этого, и мы можем отдать им должное за то, что они говорят вслух то, что многие исследования не осмеливаются даже упомянуть в сноске.
- Пропалестинская позиция Ирана подвергается осуждению с целью отвлечь внимание от того факта, что она является реальной проблемой для палестинцев с 1948 года. Иран представляют как сообщника «Хезболлы», которую отвергают как террористическую организацию, при этом упуская из виду тот факт, что «Хезболла», основанная в 1982 году в ответ на израильское вторжение в южный Ливан, является единственной вооруженной силой, способной защитить хрупкую страну, учитывая, что были предприняты все усилия, чтобы лишить ливанскую армию боеспособности. Осуждение антисиионистской воинственности Ирана, обвинение его в антисемитском фанатизме — это лучший способ прикрыть санкционированный государством Израилем колониализм и узаконить его нынешнюю военную агитацию — которая не знает границ и не имеет политического горизонта — как экзистенциальную защиту «цивилизации».
- Иранскую прессу обычно считают подверженной политическому влиянию, что в значительной степени соответствует действительности, поскольку все средства массовой информации либо принадлежат государству, либо являются квазигосударственными, либо находятся под государственным контролем. Однако это позволяет удобно игнорировать иранскую точку зрения, которую было бы разумно попытаться понять в интересах дипломатии или любой попытки достичь взаимопонимания. Это также позволяет представлять западные СМИ как нейтральные, объективные и свободные, хотя на самом деле они подвержены столь же сильному политическому, финансовому и лоббистскому давлению, не говоря уже об их западной ориентации. Фокус заключается в том, чтобы превращать пристрастные или предвзятые позиции

западных СМИ в «аналитику», одновременно дискредитируя иранские СМИ — даже когда они актуальны и объективны — с помощью систематических обвинений в скрытых мотивах.

- Люди пытаются успокоить свою совесть с помощью эмбарго, цель которого — изолировать и «наказать» режим мулл, в то время как на протяжении 47 лет страдает именно иранский народ — тот самый народ, который западные страны желают «освободить», чью «борьбу против режима» они якобы поддерживают и чью «смелость на демонстрациях» они хвалят. Это бессильное и несправедливое эмбарго — проявление лицемерия, поскольку Соединенные Штаты, его главный инициатор, тем не менее ведут дела с Ираном. Достаточно одной этикетки на бутылке минеральной воды, чтобы увидеть скрытую часть айсберга: иранская вода, продаваемая в Иране иранцам под эгидой Pepsi, американской компании.

Это приводит к фактическому переворачиванию представлений о реальности, критериев оценки или просто интерпретации фактов. Это иллюстрируют следующие примеры:

- Иран подвергся атаке, однако именно к Ирану — фактически только к нему — западные дипломаты обращаются с призывами к деэскалации ситуации и проявлению сдержанности.
- Иран дважды подвергался нападениям в ходе переговоров, но от него по-прежнему требуют вернуться за стол переговоров и критикуют за отказ участвовать в переговорах, которые не имеют ни смысла, ни ценности.
- Именно Дональд Трамп вышел из СВПД, а Европа оказалась неспособной или нежелающей соблюдать соглашение после выхода США; тем не менее именно Иран обвиняют в нарушении своих обязательств, ведении двойной игры и сокрытии своих намерений.
- Не имеет значения, что Иран заявляет о том, что не стремится к созданию ядерных бомб (его ракеты являются достаточным сдерживающим фактором), или что американские ведомства неоднократно заявляли об отсутствии у Ирана

действующей, структурированной военной ядерной программы: к Ирану неизбежно относятся с подозрением или считают его виновным. В результате когнитивной инверсии опровержения со стороны Ирана и отсутствие доказательств существования военной программы рассматриваются как повод для подозрений или даже как улики, поскольку Иран — восточная и мусульманская страна — по определению является обманчивым, лицемерным и лживым.

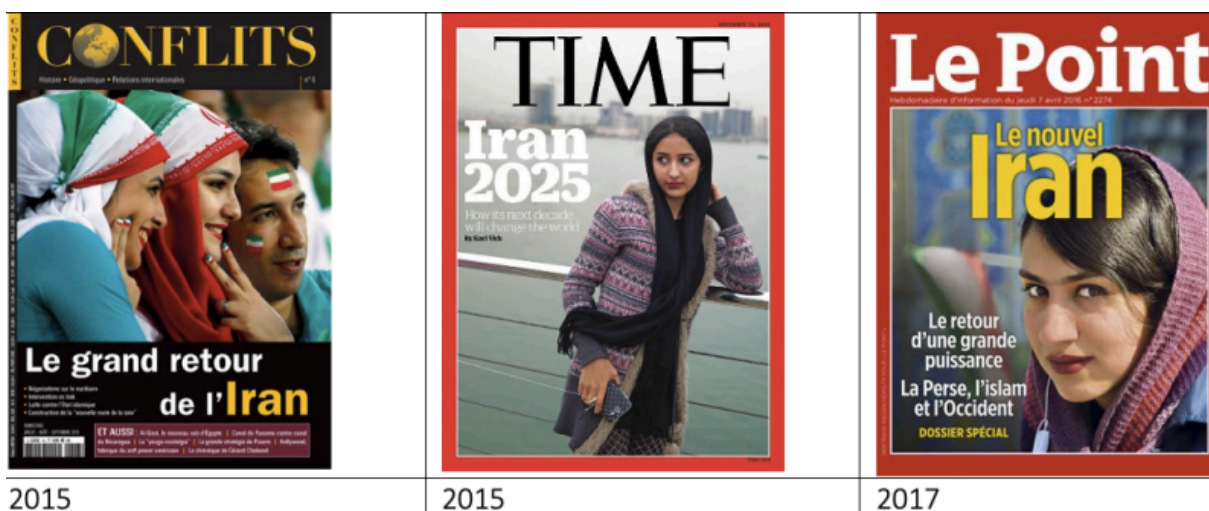
- На международное право ссылаются, чтобы добиться открытия Ормузского пролива, закрытого Ираном, однако это же право игнорируется, когда речь заходит о осуждении агрессии против Ирана, убийстве верховного лидера Али Хаменеи и преднамеренном уничтожении больниц, университетов и мостов.
- Призывы Дональда Трампа уничтожить Иран и разбомбить его гражданскую инфраструктуру — что, строго говоря, является призывом к геноциду и военным преступлениям — чаще всего встречают оглушительное молчание со стороны западных стран, которые гораздо более громко и активно высказываются, когда речь идет о других вопросах и других странах.
- Иранский народ необходимо освободить с помощью бомбардировок: гибель мирных жителей, безусловно, является трагедией, а разрушение гражданской инфраструктуры, конечно же, достойно сожаления, но это цена, которую приходится платить за «освобождение». То, что в любой другой ситуации сразу же было бы названо бредовой политикой, военным преступлением и преступлением против человечности, здесь рассматривается как курс действий, который, несомненно, болезнен, но приемлем, ожидаем или даже «логичен».
- Похоже, что у Ирана есть только обязанности, но нет прав; западные страны, когда речь заходит об Иране, обладают (почти) всеми правами, а их обязанности либо не носят обязательного характера, либо подлежат исполнению в той или иной степени.

Волшебная формула преобразования Ирана: ведение бизнеса

Тем не менее, можно представить Иран в более позитивном свете. Как? Достаточно проанализировать то, как Иран освещался в СМИ в период с 2002 по 2018 год. Начнём с типичного примера из 2000-х годов, то есть после того, как были предприняты попытки раскрыть военную ядерную программу Ирана (начиная с 2002 года):

Послание, выраженное как словами, так и изображениями, ясно: Иран — это исламофашистская страна, стремящаяся к созданию ядерной бомбы. Затем, в 2015 году, было подписано СВПД — соглашение, которое подвергло Иран строгому контролю над его ядерной программой в обмен на постепенную отмену санкций и поэтапную нормализацию торговых отношений. СМИ сразу же изменили свой тон и визуальный ряд (или нарратив):

Прощай, ядерная бомба: пусть место займут прекрасные иранские женщины, которых раньше, очевидно, не существовало. «Иран вернулся», — часто читаем мы, как будто Иран когда-то уходил, и как будто не Запад делал всё, что в его силах, чтобы игнорировать, маргинализировать и сдерживать эту страну. Ничто из этого не продлилось долго. В 2018 году без причины и основания — за исключением давления со стороны Израиля — и не имея альтернативы, президент Дональд Трамп в одностороннем порядке вышел из СВПД, о чем он уже объявлял во время своей предвыборной кампании 2017 года. В СМИ с 2017 года исчезли иранские женщины в чадрах — вызывавшие ориенталистские фантазии об экзотическом и эротическом Востоке — и вернулась иранская бомба — ситуация, которая сохраняется по сей день:

2017

2019

2022

Три вывода: соглашение с Ираном возможно; многие люди могли бы от него выиграть; демонизация Ирана на деле является всплеском пропагандистской истерии, которую соглашение, несомненно, быстро бы развеяло.

Идеи имеют последствия

Иран — это историческая держава Ближнего Востока: в политическом, военном, экономическом и культурном плане. За исключением Турции, ставшей наследницей Османской империи, Иран — единственная по-настоящему стабильная, прочная, сильная и суверенная страна в регионе, расположенная в самом сердце Ближнего Востока, где преобладают новые государства: либо возникшие в результате распада Османской империи в 1920-х годах (Ирак, Иордания, Сирия, Ливан, бывшие арабские провинции империи), либо образованных в недавнее время, таких как Туркменистан (учрежденный как Советская Социалистическая Республика в 1924 году), Королевство Саудовская Аравия (провозглашенное в 1932 году), Пакистан (образованный после отделения от Индии в 1947 году) или эмираты Персидского залива (которые возникли в последней четверти XX века после того, как с XIX века находились под опекой Британской империи).

В июне 2016 года компания McKinsey опубликовала отчет под названием «Иран: возможность роста на 1 триллион долларов?», в котором среди сильных сторон Ирана были отмечены следующие:

- Диверсифицированная экономика, в которой доля нефти и газа в ВВП составляет лишь четверть.
- Система научного образования, готовящая столько же инженеров, сколько в США.
- Доля потребительского класса в два раза превышает аналогичный показатель в Китае и Бразилии.

- Доля городского населения в два раза превышает аналогичный показатель по Индии.
- Предпринимательские традиции и активное сообщество стартапов.
- Стратегическое расположение на перекрестке Востока и Запада.

Невежество в отношении такой страны, укоренившееся в накоплении ложных интерпретаций и предвзятости, представляет собой нечто вроде загадки или аномалии. Можно указать на недостаток знаний — порой преднамеренный и тщательно поддерживаемый, но в любом случае широко распространенный во всех кругах влияния, от дипломатов до политиков, от СМИ до определенных научно-исследовательских институтов и университетов. Существует также, как теперь ясно, американско-израильская пропаганда, подпитываемая израильским финансированием американских политиков и лоббистов, использующая транснациональные сети влияния и основные СМИ, которые благодаря своей финансовой мощи, социологической гегемонии и владению алгоритмами умудряются навязывать массово вызывающую тревогу и клеветническую нарративную линию в отношении Ирана. Наконец, существует то, что можно назвать презрением или ненавистью, подпитываемыми ксенофобией, исламофобией, расизмом или колониалистским менталитетом, что делает Иран удобным страшилищем и идеальным объектом для выплеска своих страхов и неприятия.

На протяжении десятилетий Запад создавал для себя врага, что в итоге привело к войне, которая — уже сейчас или потенциально — влечёт за собой последствия, противоречащие всем надеждам и планам, выражаемым западными странами. Вместо «смены режима» в Тегеране мы, напротив, наблюдаем укрепление Исламской Республики, её идентичности и легитимности; также — религиозное возрождение и формирование основы для будущего национального нарратива, глубоко объединяющего и вдохновляющего, подпитываемого мотивами мученичества и героических свершений. И за пределами Ирана возникает новое чувство гордости среди народов мусульманского мира, которые видят, как исламское государство, используя антиимпериалистическую риторику, противостоит ведущей мировой державе, осуждает несправедливость по отношению к палестинцам и утверждается как региональная сила с глобальным влиянием.

Хотя европейцы и США могли бы, благодаря более справедливой и смелой дипломатии — менее невежественной и лицемерной — извлечь выгоду из иранского рынка и наладить с Ираном подлинно прагматичные отношения, сейчас мы наблюдаем череду потрясений, которые не играют на руку Западу:

- Влияние США на Ближнем Востоке ослабло или подорвано, и, по всей видимости, такая ситуация сохранится ещё некоторое время.
- Страны Персидского залива — финансовые центры, авиационные узлы и туристические направления — находятся в уязвимом положении и, чтобы сохранить свою нынешнюю политическую модель и процветание, будут вынуждены налаживать новые связи с Ираном — страной, которую они воспринимают как соперника или врага, но которая утверждает себя в качестве бесспорной региональной державы.
- Раньше Ормузский пролив был открыт для всех и бесплатным, но теперь он доступен только тем странам, которые заключили соглашение с Ираном и уплачивают транзитный сбор — за исключением США и Израиля, которым Иран запретил проход.
- Постоянно агрессивная и дестабилизирующая политика Израиля приводит к тому, что многие всё чаще отвергают эту страну, что, в свою очередь, вызывает возрождение антисемитизма; санкции со стороны СМН или правовые меры, даже если они направлены против еврейских деятелей, критикующих сионизм, в конечном итоге служат главным образом для подпитки теорий заговора о глобальном еврейском влиянии.
- На основании «псевдодипломатии» Дональда Трампа иранцы пришли к выводу, что Соединённые Штаты не соблюдают своих дипломатических обязательств, не выполняют собственные соглашения и понимают только язык силы: другие страны учтут это, равно как и запомнят военную неудачу ведущей мировой державы в противостоянии с региональной державой среднего уровня.
- За исключением нескольких стран (таких как Испания, которая является пионером в этой области) или отдельных мер (таких как запрет, введенный Францией, Италией и Австрией на использование их воздушного пространства в военных целях), просчеты, предвзятость и несправедливость западной дипломатии привели к нарушению, подрыву или делегитимизации международного права.
- Закрытие Ормузского пролива, за которым последовала проверка Ираном судов, проходящих через пролив, привело к сбоям в некоторых цепочках поставок, росту цен на энергоносители и, в конечном итоге, к кризису с глобальными последствиями, которые проявляются как сразу, так и с задержкой, но в любом случае носят далеко идущий и значительный характер. Этот конфликт наглядно демонстрирует, насколько взаимосвязана международная экономика, что на самом деле означает экономическая глобализация и какова цена нарушения геополитического, дипломатического и правового равновесия.
- Эта война в очередной раз продемонстрировала неспособность или бессилие ООН — учреждения, созданного по инициативе Запада для регулирования международного порядка, в котором на протяжении десятилетий доминировали

западные или вестернизированные страны.

- Этот конфликт выгоден России, которая, несмотря на европейские и американские санкции, вновь пользуется благосклонностью из-за своих запасов нефти и газа, — и всё это в ущерб Украине, которая оказалась втянутой в войну, которую не может выиграть, и стала побочной жертвой перенаправления оружия и ресурсов на Ближний Восток.
- В 2000-х и 2010-х годах Китай воспользовался тем, что США увязли в Афганистане и Ираке, чтобы незаметно укрепить свою мощь; он, безусловно, рад видеть, как Соединённые Штаты вновь погрязают в конфликтах из-за сочетания высокомерия и глупости.
- Эта война демонстрирует, как в ведущей демократической стране мира один человек — Дональд Трамп, чья компетентность и даже психическое здоровье вызывают сомнения, — окруживший себя сторонниками с сомнительными способностями, заинтересованными в первую очередь в личной выгоде, — развязал войну, полностью игнорируя факты, под давлением или по предложению Израиля, превратив американских солдат в наемников третьей страны и сделав некоторых из них — из-за нанесенных ударов по гражданским объектам — военными преступниками, и все это с согласия — или отсутствия противодействия — Республиканской партии и с благословения евангелических пасторов. Как истоки, так и последствия этой войны, несомненно, окажут глубокое влияние, если не на политическую практику, то, по крайней мере, на политическую мысль, ставя под сомнение «глубинное государство», институциональные механизмы, вооруженные силы и гарантии, защищающие американских граждан от президентских злоупотреблений и иностранного вмешательства.

Итак, нет, углубленное изучение других культур или межкультурный диалог — это не какая-то закрытая дискуссия, предназначенная лишь для горстки студентов или исследователей, живущих в своей маленькой «пузырьковой» реальности: они имеют решающее значение для международного порядка, основанного на знании других стран и истории, которое всегда будет несовершенным, но должно оставаться достаточно свободным от предрассудков и предвзятости, чтобы быть актуальным, предотвращать войны и сохранять мир. Тем, кто желает «извлечь уроки из истории», но зачастую ничего о ней не знает и не делает выводов для настоящего, Иран предлагает урок истории и географии, а также культуры, стратегии и дипломатии. Давайте будем пессимистами: те, кто продвигал, поддерживал и желал этой войны, останутся на своих постах — политических, дипломатических, в СМИ или иных — а некоторые даже получают повышение; те, кто пытался донести другие голоса, будут, как и прежде, маргинализированы, дискредитированы или даже опорочены, и ничего не изменится. Будем

оптимистами: долгосрочное соглашение неизбежно, увы, под давлением насилия, и прежде всего потому, что перед лицом фантазий и лжи ничто не превосходит силу реальности, и в конце концов счета должны быть сведены. Давайте просто будем реалистами: суть кризисов заключается в том, чтобы привести к перераспределению сил, и каким бы ни был окончательный исход войны, нам придется считаться с новым Ираном (или обновленным Ираном), преобразованным Ближним Востоком и международным порядком, требующим переосмысления.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Иран Пехлеви, Мохаммад Реза Ша Хезболла

Корпус стражей исламской революции (КСИР) Моссад